
КРУПНЫЙ ГОРОД — РЕГИОН — РОССИЯ: ДИНАМИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ

К.Э. Аксенов, А.С. Зиновьев, Д.В. Плещенко

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение динамики массового электорального поведения, устойчивости электоральных предпочтений и формирующих их ценностно-идеологических ориентаций — одна из самых методологически сложных областей электоральной социологии. Однако именно она позволяет делать наиболее обоснованные заключения о долгосрочных тенденциях и закономерностях изменения электорального поведения граждан, а иногда — и партийно-политической системы в целом. Поисками адекватных поставленным задачам методик уже более столетия занимаются ученые разных стран*. При этом в абсолютном большинстве случаев предпочтение отдается электорально-географическим методам, основанным на сравнении и анализе различий в поведении территориальных групп электората. Преимущество этих методов перед так наз. индивидуальными (опросы общественного мнения) заключается в том, что они используют максимально полные временные ряды наблюдений — сгруппированные по различным территориальным единицам итоги голосований. Между тем даже сопоставимые по масштабам данные опросов неизбежно ограничены выборкой и особенностями анкеты.

В настоящем исследовании мы опирались на методику, разработанную применительно к российским условиям на основе принципов экологической школы электорального анализа. Предложенный представителями этой школы подход дает возможность выявлять значимые факторы, отражающиеся на поведении избирателей (а тем самым — и на итогах выборов), и изучать влияние структурных сдвигов в электоральном поведении на партийно-политическую систему**.

Для выявления факторов, влияющих на электоральное поведение, могут использоваться следующие два приема:

— изучение (с помощью корреляционного, регрессионного, факторного анализа и других методов) статистических зависимостей между пространственно агрегированными итогами выборов (процентами голосов по территориальным единицам) и неэлекторальными характеристиками (социально-экономическими и прочими показателями, обобщенными по тем же территориальным единицам);

— традиционный сравнительно-картографический метод, базирующийся на визуальном сравнении пространственных распределений исследуемых параметров по территории. Чаще всего к этому методу прибегают при невозможности статистической инструментализации изучения зависимостей с последующей проверкой гипотез и выводов на основании других информационных источников и методов.

АКСЕНОВ Константин Эдуардович, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной диагностики и политической географии СПбГУ; ЗИНОВЬЕВ Андрей Станиславович, ПЛЕЩЕНКО Денис Валерьевич, аспиранты кафедры региональной диагностики и политической географии СПбГУ.

* Подробный анализ школ и методик см. Taylor, Johnson 1979; Колосов 1994.

** К сожалению, экологический подход пока остается практически не востребуемым в среде отечественных социологов, хотя к нему часто обращаются политико-географы [см., напр. Лаврухин 1985; Колосов и др. 1990; Березкин 1992; Журавлев 1993; Парламентские выборы 1996].

Исследование влияния структурных сдвигов в электоральном поведении на партийно-политическую систему осуществляется путем изучения статистических зависимостей между самими электоральными переменными — процентами голосов, поданных за те или иные электоральные альтернативы, долями абсентеизма, негативизма и прочими расчетными показателями (и их временными рядами) по территориальным единицам*.

Сегодня уже общепризнано, что структура партийной и электоральной аффилиации российских избирателей варьируется в зависимости от региона, а также характера поселения. Не случайно при анализе данных по избирательным участкам крупного города, по всем городским ТИК и по субъектам РФ возникают принципиально разные картины электорального поведения [Аксенов, Михайлов 2000; Михайлов 2001]. Многие авторы указывают на существенные различия в поведении городского и сельского электората [Колосов и др. 1990; Парламентские выборы 1996; Туровский 1999]. Обнаружены расхождения и в электоральном поведении жителей городов с разной численностью населения и функциональной специализацией [Туровский 1999].

Исходя из этого, мы решили провести сравнительный анализ устойчивости избирательного поведения на трех уровнях — по избирательным участкам одного из российских мегаполисов (Санкт-Петербурга), по участкам субъекта Федерации, не имеющего в своем составе крупного городского центра (Ленинградская область) и по всем регионам России. Динамика партийных предпочтений российского электората исследовалась на материале трех думских кампаний — 1995, 1999 и 2003 г. Выбор думских кампаний был обусловлен тем, что они предоставляют избирателям максимально широкий спектр альтернатив при определенной преемственности партийных игроков. В ходе исследования мы пытались выявить общие параметры электорального поведения на выделенных уровнях и проследить основные динамические тенденции в моделях электорального поведения.

Применяемый нами исследовательский метод базируется на анализе квадратных матриц корреляции**. В качестве исходного материала при построении матриц мы использовали таблицы итогов голосования. Столбцы этих таблиц соответствовали фигурировавшим на выборах альтернативам***, строки — территориальным единицам (субъектам Федерации или участкам), а в ячейках фиксировался процент голосов, поданных за определенную альтернативу в данной территориальной единице. Таким образом, в каждом столбце было представлено территориальное распределение голосов за некую альтернативу. Затем рассчитывался коэффициент корреляции каждого распределения со всеми другими, содержащимися в таблице. Полученные результаты сводились в матрицу, где по вертикали и горизонтали откладывались электоральные распределения**** за каждую альтернативу, а в ячейках приводились линейные коэффициенты корреляции между ними. Наличие значимой положительной зависимости между условными распределениями А и В указывает на то, что в

* Изучением динамических зависимостей между временными рядами электоральных распределений сегодня активно занимается американская школа критических выборов, у истоков которой стояли В.О.Ки-мл., А.Кэмпбел, Ф.Конверс и др. [см. Campbell 1971; Key 1971]. В центре внимания представителей данного направления — исследование устойчивости/изменчивости массовых предпочтений на региональном и страновом уровнях.

** Подробное описание методики см. Аксенов 1998; Аксенов, Михайлов 2000.

*** Под электоральными альтернативами здесь понимаются партии и объединения, вносившиеся в бюллетени для голосования. Такой же электоральной альтернативой может считаться и голосование “против всех”.

**** Электоральными распределениями мы называем распределения итогов голосования за любые электоральные альтернативы (в процентах от принявших участие в выборах) по избирательным округам, участкам или иным территориальным единицам.

тех местах, где наблюдалась повышенная поддержка партии А, охотнее, чем в других регионах, голосовали и за партию В. Совпадали в этом случае и ареалы пониженной поддержки партий А и В. Значимая отрицательная зависимость распределений А и В означает, что там, где партия А получила максимум поддержки, за партию В голосовали наименее охотно, и наоборот.

Большинство распределений в матрицах корреляции группируются в статистические замкнутые системы, внутри которых каждое электоральное распределение имеет только значимые положительные связи. При этом связи таких распределений с внешними по отношению к системе оказываются либо отрицательными, либо незначимыми.

При интерпретации матриц мы исходили из гипотезы о том, что за альтернативы, чьи электоральные распределения имеют значимую положительную связь, голосуют одни и те же социальные группы, неравномерно населяющие территорию нашей страны. Но если так, то к выбору этих альтернатив избирателей подталкивают сходные мотивации, а потому “обмен” между их массовыми базами максимально облегчен. В свою очередь, массовые базы альтернатив с отрицательной зависимостью распределений должны существенно различаться, что не может не препятствовать перетоку электората. Отсюда следует, что “обмен” электоратом между замкнутыми системами практически исключен — он происходит только внутри таковых*.

Сравнение матриц корреляции электоральных распределений 1995 г. по трем модельным территориям подтвердило выводы, сделанные нами в предыдущих исследованиях: на всех уровнях анализа отчетливо проявлялось действие двух главных факторов, дифференцировавших электоральные распределения. Первый фактор был назван нами идеологическим, второй — протестным [Аксенов 1998, 2000; Аксенов, Михайлов 2000]. Идеологический фактор объединяет электоральные распределения в замкнутые системы путем сопоставления этих распределений между собой, протестный — через сравнение их с распределением голосования “против всех” (как главного критерия протестности) [Аксенов 1998].

Анализ полученных на основе матриц корреляции данных удобно проводить по графической схеме — электоральной топограмме [Михайлов 2001]. Топограмма представляет собой систему координат, где фиксируется взаимное расположение альтернатив согласно выявленным в ходе корреляционного анализа электоральных распределений предпочтениям избирателей. Условные координаты на горизонтальной оси топограммы символизируют идеологическую составляющую выбора, на вертикальной — протестную. Оси делят координатную плоскость на четыре части. В правой половине группируются “рыночные” (“правые”) альтернативы, в левой — “государственнические” (“левые”), в нижней — “протестные”, в верхней — “адаптивные”. Чем больше сумма всех значимых коэффициентов корреляции данной альтернативы с аналогичными по модулю, тем ближе эта альтернатива к релевантному полюсу условной системы координат. Оси координат отображают “расколы” — попадание альтернатив в разные квадранты схемы означает, что соответствующие им электоральные распределения находятся в различных замкнутых группах матриц корреляции. То есть, согласно нашей гипотезе, если альтернативы разделены на топограмме какой-либо из осей, “обмен” электоратом между ними максимально

* Нужно отметить, что значимая корреляция между электоральными распределениями может свидетельствовать не о близости социальных баз соответствующих альтернатив, а о наличии некоего третьего фактора, связанного с обоими распределениями. Для выявления подобных “ложных корреляций” (“экологических ошибок”) требуется дополнительный анализ с использованием независимых методов.

затруднен. И наоборот, для альтернатив, расположенных рядом друг с другом внутри одного квадранта, такой “обмен” не представляет проблемы.

ДИНАМИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН НА ДУМСКИХ ВЫБОРАХ

На *рис. 1-3* представлены электоральные топограммы думских голосований 1995 г. для Санкт-Петербурга, Ленинградской области и России в целом*. Сравнив эти топограммы, мы сразу же обнаружим серьезные расхождения как в составе замкнутых групп, образующих квадранты, так и в расположении большинства альтернатив.

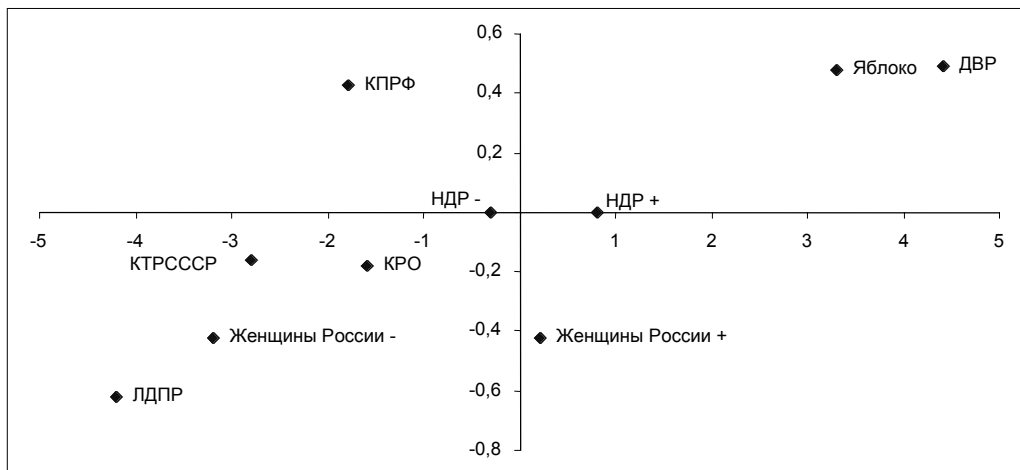

Рис. 1. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 1995 г. по участкам Санкт-Петербурга

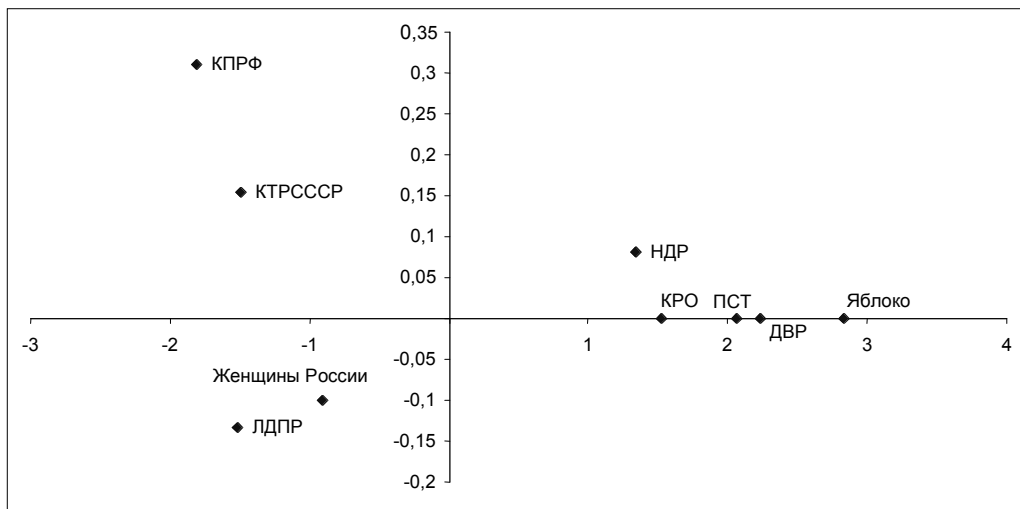

Рис. 2. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 1995 г. по участкам Ленинградской области

* На всех представленных ниже топограммах положительные значения по горизонтальной оси соответствуют “правому”, или “рыночному”, полюсу, отрицательные — “левому”, или “государственному”. Положительные значения по вертикальной оси соответствуют “адаптивному” полюсу, отрицательные — “протестному”. Парные значения для некоторых альтернатив указывают на раскол электората данных объединений.

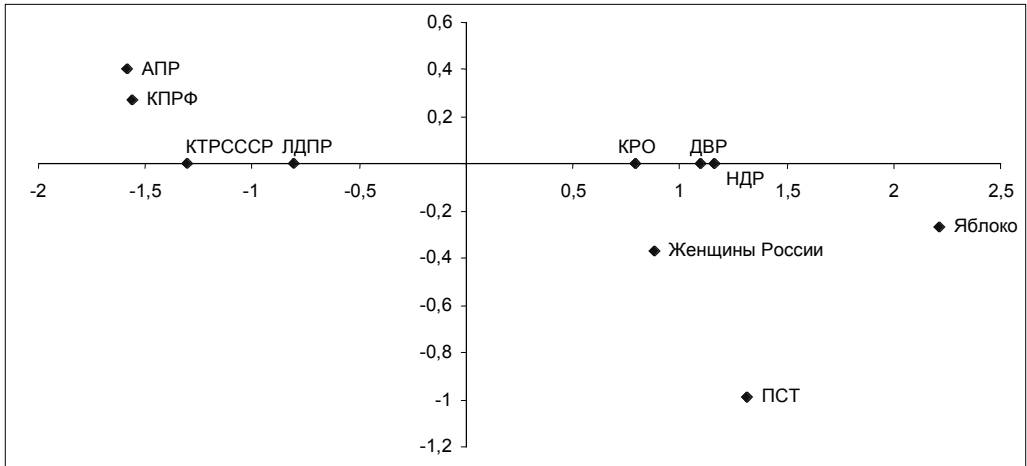

Рис. 3. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 1995 г. по субъектам РФ

Наиболее общие различия, зафиксированные на топограммах, связаны с расположением основных замкнутых групп, а следовательно — с неодинаковым действием двух выделенных факторов раскола электората. В общероссийском масштабе главным барьером для возможного перетекания электората между альтернативами выступала идеология — приверженцы альтернатив, находящихся в левой и правой части общероссийской топограммы, максимально разделены территориально. Самыми “заполненными” на общероссийской топограмме оказались лево-адаптивный и право-протестный квадранты — именно в них сгруппировано большинство альтернатив. Странники “Женщин России”, “Яблока” и Партии самоуправления трудящихся (ПСТ) сконцентрированы на тех же территориях, что и протестный электорат. В свою очередь, КПРФ и АПР демонстрируют наивысшие по стране показатели там, где менее всего представлено протестное голосование. Практически не связано с местами концентрации протестного электората голосование за альтернативы, расположенные непосредственно на горизонтальной оси топограммы. В левой части схемы к ним относятся Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз (КТРСССР) и ЛДПР, в правой — КРО, НДР и ДВР.

Несколько иную картину мы видим на топограмме Ленинградской области. Важнейшим препятствием на пути возможного обмена электоратом между группами альтернатив здесь тоже является идеологический фактор, однако значимость протестной составляющей меняется. В левой части схемы не остается ни одного электорального распределения, статистически независимого от протестного голосования. В зонах с наиболее слабым голосованием “против всех” достигает пика поддержка КПРФ и КТРСССР, а в протестных ареалах — ЛДПР и “Женщин России”. В то же время распределения правой части топограммы практически “безразличны” к проявлениям фактора протестности.

Максимально отличается от общероссийской топограмма, построенная для Санкт-Петербурга. Здесь в полную силу действуют оба фактора — и идеологический, и протестный. Все замкнутые группы альтернатив расположены на топограмме далеко от нуля как по оси протестности, так и по оси идеологии. При этом группы альтернатив, “питающихся” сходным электоратом, занимают три квадранта: право-адаптивный (“Яблоко” и ДВР), лево-адаптивный (КПРФ) и лево-протестный (ЛДПР, КТРСССР, КРО). Более выражены в Санкт-Петербурге и переходные альтернативы — их распределения имеют значимую связь с распределениями разных групп. На топограмме подобные

альтернативы обозначены двумя знаками, что указывает на их способность “отбирать” электорат у противоположных групп альтернатив. В данном случае переходными оказались НДР и “Женщины России”.

Сравним теперь расположение на топограммах 1995 г. отдельных альтернатив. Единственная альтернатива, чье место на трех схемах примерно одинаково, — это КПРФ в лево-адаптивном квадранте. Вероятно, восприятие электоратом этой альтернативы на всех модельных территориях обуславливалось одними и теми же факторами.

Максимальные вариации от топограммы к топограмме демонстрируют “Яблоко” и КТРСССР. На российской топограмме “Яблоко” находится в право-протестной группе, на петербургской — в право-адаптивной, а в Ленинградской области данная альтернатива “безразлична” к протесту. Прямо противоположной оказывается “миграция” КТРСССР. Эта альтернатива лево-адаптивна в Ленинградской области, лево-протестна в Санкт-Петербурге и “безразлична” к фактору протестности в масштабах РФ. Возможное объяснение таких “миграций” заключается в том, что указанные альтернативы обладали на разных территориях разным имиджем, а значит — обобщенные социальные портреты их электората в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и по России в целом принципиально не совпадают. В Санкт-Петербурге правые альтернативы (“Яблоко” и ДВР) не имели ничего общего с протестным электоратом. В Ленинградской области за них могли быть отданы голоса как адаптивного, так и протестного электората. На общероссийском же уровне среди приверженцев этих альтернатив (по крайней мере — “Яблока”) абсолютно преобладали избиратели, склонные к протестному голосованию. На противоположном идеологическом фланге максимально неоднородную реакцию протестного электората вызывала именно КТРСССР.

46 Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в 1995 г. Санкт-Петербург демонстрировал значительно большую, нежели Ленинградская область и Россия в целом, вариативность электоральных баз партий и объединений по отношению к основным факторам раскола. Это может свидетельствовать как о более разнообразном по социальному составу электорате, так и о разноплановости электоральной мотивации петербуржцев. Только в Санкт-Петербурге отчетливо выражена право-адаптивная составляющая электората и, в противовес общероссийской тенденции, практически отсутствует право-протестный электорат. Думается, что сходная ситуация должна была наблюдаться и в других крупнейших городах РФ.

На выборах 1999 г. картина распределения электората несколько изменилась (см. *рис. 4-6*). Прежде всего это касается Ленинградской области и России в целом, где замкнутые группы альтернатив оказались рассредоточены по четырем квадрантам схемы, что свидетельствует о заметном усилении дифференцирующего действия основных факторов раскола. В Санкт-Петербурге распределение групп электората по полюсам расколов осталось примерно таким же, что и четыре года назад (основными альтернативами здесь заняты те же три квадранта топограммы, что и в 1995 г.).

Первое, что бросается в глаза при сравнении топограмм 1999 г., — это определенное сходство в распределении “левых” альтернатив. В лево-адаптивной части всех топограмм мы видим КПРФ, в лево-протестной — Блок Жириновского. Судя по всему, в 1999 г. мотивации голосования за каждую из этих альтернатив у большинства избирателей совпадали. Иначе обстояло дело с формированием правого сегмента. Хотя во всех случаях в него попали три альтернативы — СПС, “Яблоко” и ОВР, “протестность” имиджа данных альтернатив была неодинакова. На уровне России избиратели, склонные к протесту, отказав в поддержке ОВР, довольно активно голосовали за СПС и “Яблоко”. В Ленинградской области все правые альтернативы воспринимались как протест-

ные. В Санкт-Петербурге за СПС и ОВР отдали голоса адаптивно настроенные граждане, а избиратели “Яблока” были “безразличны” к протесту.

Совершенно особым было отношение избирателей к новичку избирательной кампании — блоку “Единство”. Отрицательная связь названной альтернативы с абсолютным большинством других указывает на то, что она сформировала абсолютно новый, не похожий на традиционные, тип группировки электората. Если все же расположить “Единство” на наших топограммах, то окажется, что в целом по России за блок были склонны голосовать “безразличные” к фактору протестности левые избиратели, в Ленинградской области он привлек к себе право-адаптивный электорат, а в Санкт-Петербурге его воспринимали скорее как лево-адаптивную альтернативу.

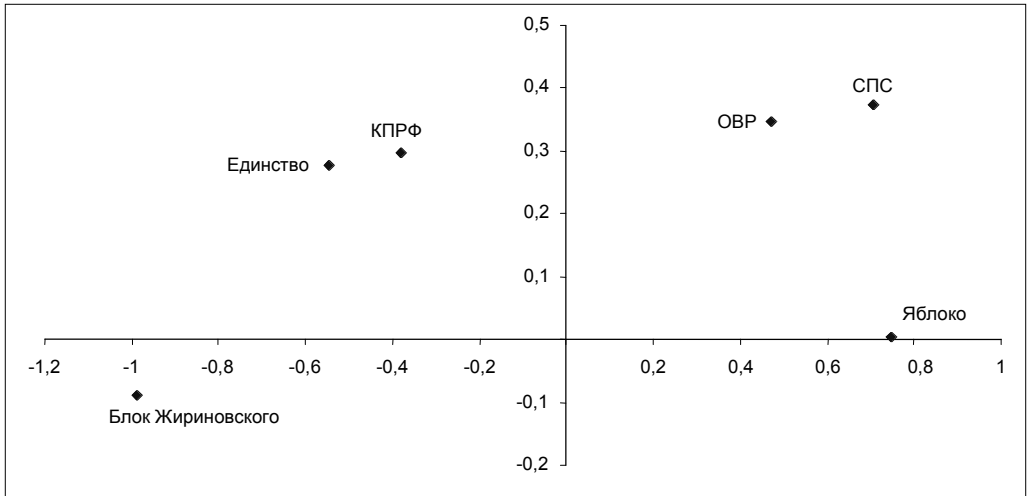

Рис. 4. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 1999 г. по участкам Санкт-Петербурга

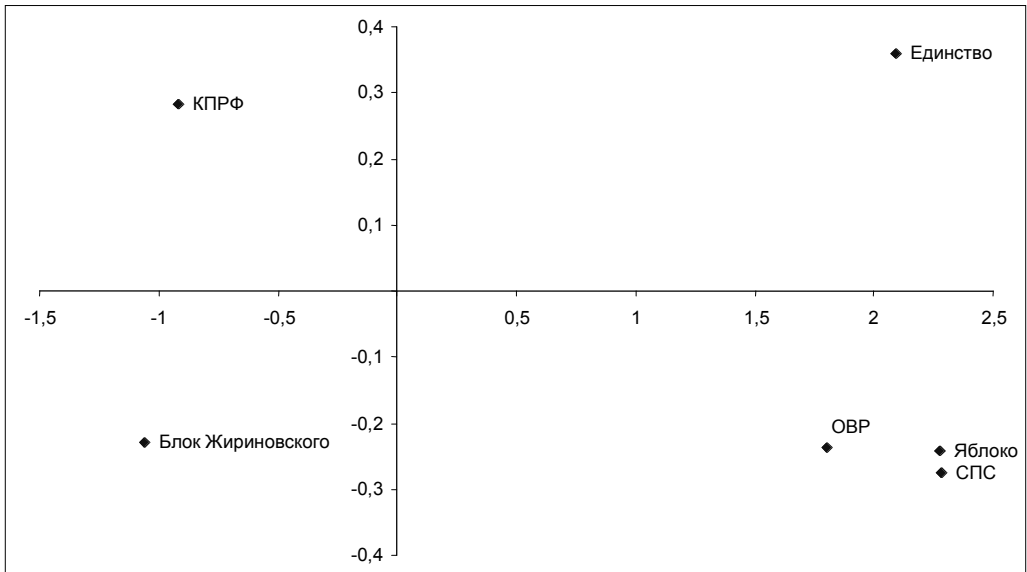

Рис. 5. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 1999 г. по участкам Ленинградской области

Рис. 6. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 1999 г. по субъектам РФ

Расположение ключевых замкнутых групп на топограммах 2003 г. (см. рис. 7-9) во многом идентично зафиксированному в 1999 г. На общероссийском уровне и в Ленинградской области СПС и “Яблоко”, воспринимавшиеся в Санкт-Петербурге как право-адаптивные альтернативы, составляют основу право-протестного квадранта*. Привычное место в левой части топограмм занимают ЛДПР и КПРФ, правда, в глазах большинства российских избирателей последняя утратила свою отчетливую адаптивность.

48

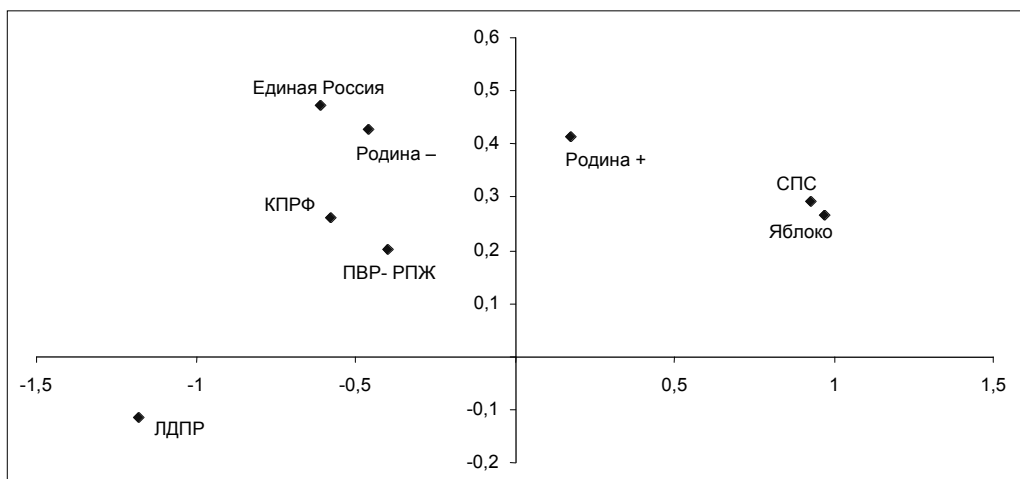

Рис. 7. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 2003 г. по участкам Санкт-Петербурга

* Примечательно, что если в Санкт-Петербурге и Ленинградской области СПС и “Яблоко”, по сути, делили единый электорат, то в целом по России ситуация складывалась иначе. Среди избирателей СПС могли быть представлены и адаптивно, и протестно настроенные граждане, тогда как “Яблоко” опиралось исключительно на последних. Более того, электорат “Яблока” оказался расколотым — за эту партию голосовали как в традиционных право-протестных регионах, так и там, где предпочитали ЛДПР и “Родину”.

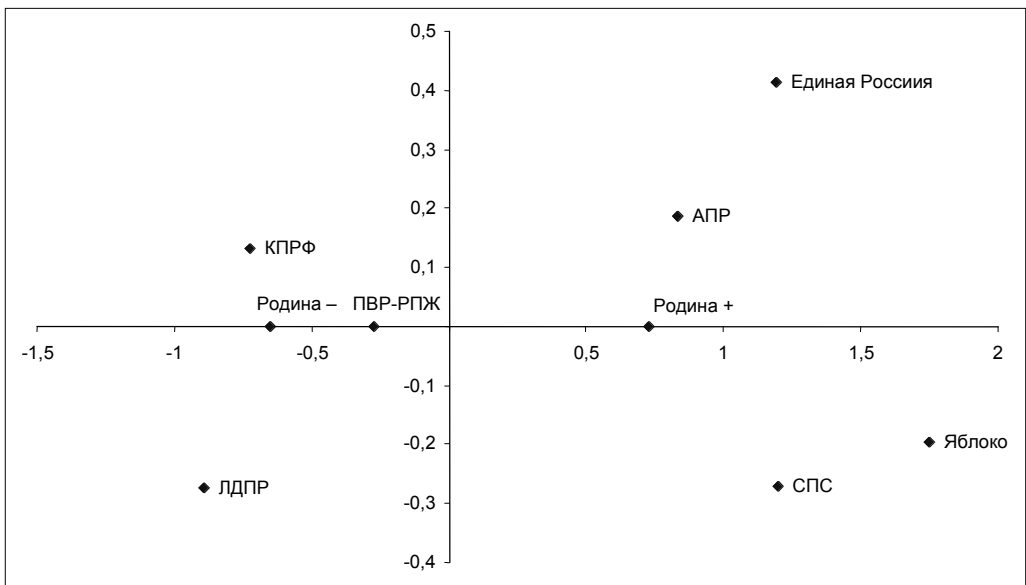

Рис. 8. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 2003 г. по участкам Ленинградской области

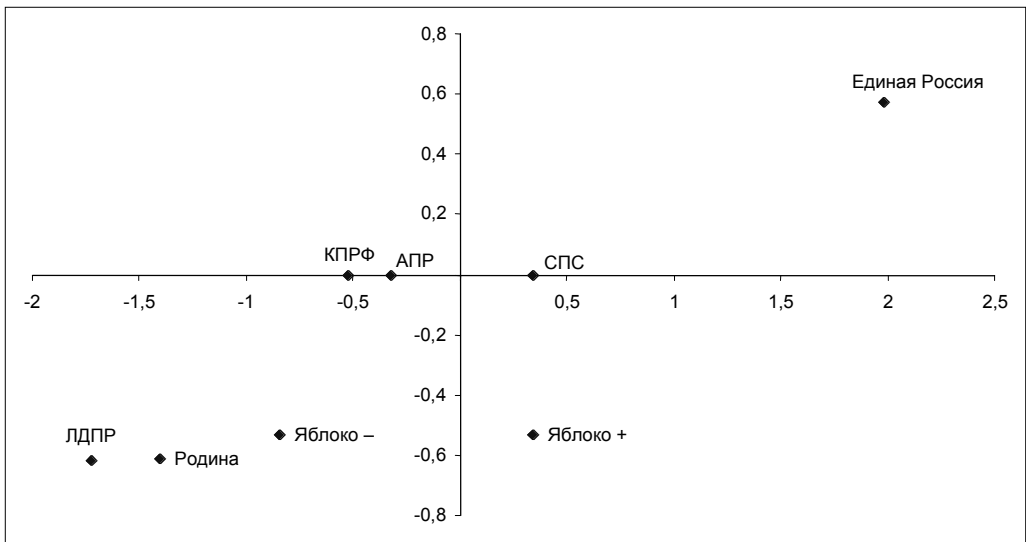

Рис. 9. Электоральная топограмма голосования на думских выборах 2003 г. по субъектам РФ

Самое интересное на топограммах 2003 г. — положение новых альтернатив, в первую очередь — “Единой России” и “Родины”.

На общероссийском уровне “Родина”, судя по всему, воспринималась как ближайший аналог ЛДПР — настолько близко они расположены на топограмме. Единственное отличие — отсутствие у “Родины” значимой связи с КПРФ, что исключает возможность существенного “обмена” электоратами между ними. Принципиально иным был имидж “Родины” в Санкт-Петербурге. Хотя и здесь она могла обмениваться электоратом с “Яблоком” (а также с СПС, что не характерно для России в целом), распределение голосования за “Родину” в Санкт-Петербурге максимально сходно с КПРФ и максимально отлично от

ЛДПР. Промежуточную картину дает Ленинградская область. Если в рамках России в целом “Родина” “питалась” преимущественно протестным электоратом, в Санкт-Петербурге — только адаптивным, то в Ленинградской области она могла “питаться” и тем, и другим.

Совсем по-иному обстоит дело с “Единой Россией”. Матрицы корреляций демонстрируют удивительное сходство ее электората по всем трем модельным территориям: во всех случаях электоральные распределения “Единой России” имеют только отрицательные значимые корреляции с другими альтернативами. То есть, распределения “Единой России” не похожи ни на одно из прочих распределений 2003 г. ни на одном из территориальных уровней. В предыдущих думских кампаниях не было ничего подобного, даже с учетом “особого” положения “Единства” в 1999 г. Главное отличие “Единой России” от “Единства” образца 1999 г. заключается в том, что на всех исследуемых территориях ее распределения имели отчетливо адаптивный характер. Практически везде, где преобладало голосование за протестные альтернативы, поддержка единороссов была невелика, и наоборот.

Наличие значимой отрицательной корреляции между распределениями “Единой России” и большинством других вряд ли правомерно трактовать как свидетельство полной деидеологизированности голосования за эту альтернативу. Скорее, оно указывает на существование неких мотиваций (и соответствующей группировки электората), не сводимых ни к традиционно правым, ни к традиционно левым. Иными словами, речь идет о формировании в российской политике третьего, не фиксировавшегося ранее, идеологического полюса. (В связи с этим для отображения места “Единой России” на наших топограммах, вероятно, следовало бы ввести отдельную ось.) Судя по матрицам, такой полюс образован электоратом, проживающим в местах, где наблюдался минимум поддержки большинства традиционных альтернатив, минимум протестного голосования и максимум участия в выборах. Важно, что данная картина воспроизводится на всех территориальных уровнях.

Каково же происхождение электората “Единой России”? За кого голосовали ее сторонники на предыдущих выборах? Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассчитали матрицы кросс-корреляций между голосованиями 1995, 1999 и 2003 гг. по трем территориям*. Сопоставление этих матриц показывает, что источники, из которых “Единая Россия” черпала свой электорат, варьируются в зависимости от территории. В общероссийском масштабе распределения “Единой России” 2003 г. обнаруживают значимую положительную связь лишь с распределением ОВР 1999 г., что свидетельствует о преемственности массовых баз этих альтернатив. Примечательно, что ОВР, в свою очередь, унаследовала электорат НДР и — в меньшей степени — ДВР 1995 г. В Ленинградской области “Единая Россия” “поглотила” электорат другого объединения 1999 г. — “Единства”. При этом в названном регионе у “Единой России” практически нет связи с альтернативами 1995 г. Гораздо сложнее происхождение электората единороссов в Санкт-Петербурге. Там прослеживается значимая положительная связь данной альтернативы с распределениями голосований 1999 г. за “Единство”, Блок Жириновского и “против всех” и отрицательная — с распределениями СПС и “Яблока”.

Итак, полученные данные говорят о принципиально разном происхождении электората “Единой России” на разных территориях. Чтобы подчеркнуть

* Матрицы кросс-корреляций строились по той же модели, что и обычные статистические матрицы, только в состав их включались коэффициенты корреляции между распределениями голосования за альтернативы разных лет. Для участков, сменивших свои очертания, коэффициенты не рассчитывались.

эти различия, мы сознательно оставили наши топограммы двухмерными. В соответствии с происхождением своего электората “Единая Россия” помещена в право-адаптивный квадрант общероссийской и ленинградской областной топограмм и в лево-адаптивный — петербургской.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги проведенному исследованию, прежде всего следует отметить довольно существенную (в масштабах молодой российской демократии) устойчивость партийной группировки электората на всех территориальных уровнях. Эта устойчивость проявляется в воспроизводстве от выборов к выборам как массовых баз отдельных партий или объединений, так и, что еще важнее, связанных с ними ценностно-идеологических ориентаций, способствующих формированию в сознании избирателей представлений о группах ценностно близких (а потому — в какой-то мере “взаимозаменяемых”) электоральных альтернатив. Наиболее стабильные ценностно-идеологические полюса образуют “долгожители” российского политического поля — КПРФ и ЛДПР, которые не только постоянно воспроизводят свою электоральную базу, но и выступают ядром консолидации для сил, претендующих на сходный электорат. Скорее всего, это означает, что какие-то составляющие имиджа этих партий служат для избирателей той системой координат, которой они руководствуются при своем выборе.

На протяжении трех думских кампаний на всех рассмотренных территориях сохранялись два основных раскола — идеологический и протестный. Эти два раскола определяли состав замкнутых групп, внутри которых осуществлялся “обмен” электоратом. Однако наполнение данных групп было не везде одинаковым. Территориальные различия в восприятии избирателями отдельных альтернатив отчетливее всего прослеживаются при сравнении общероссийских и петербургских топограмм. В Санкт-Петербурге правые альтернативы привлекали преимущественно адаптивную часть электората, тогда как по России в целом голосование за эти альтернативы устойчиво коррелирует с зонами протеста. Что касается Ленинградской области, то сложившаяся в ней ситуация является промежуточной между Санкт-Петербургской и российской*, по ряду параметров сближаясь с последней.

Начиная с 1999 г. в думских кампаниях появляется дополнительный раскол, который присутствует на всех территориальных уровнях, резко отделяя электорат “Единства” 1999 г. и “Единой России” 2003 г. от электоратов других партий. О том, что речь идет именно о расколе, а не об эффекте одной партии, свидетельствуют три момента. Во-первых, данный раскол воспроизводится во времени. Во-вторых, распределения голосований за “Единство” и “Единую Россию” не похожи на все прочие распределения, что указывает на невосприимчивость соответствующих категорий электората к действию как идеологического, так и протестного факторов. В-третьих, электорат нынешней “партии власти” формирует замкнутые группы на всех рассмотренных территориях**.

Обсуждение политического содержания выявленного раскола выходит за рамки настоящего исследования, однако, судя по всему, мы имеем дело с уже

* Подобная “промежуточность” региона, не имеющего в своем составе крупных городов, заставляет предположить, что электоральная специфика Санкт-Петербурга обусловлена не только его принадлежностью к числу мегаполисов. Однако для проверки данной гипотезы требуются дополнительные исследования.

** Следует отметить, что прежние “партии власти” не образовывали отдельной замкнутой группы и легко могли “обмениваться” электоратом с другими альтернативами. С возникновением нового раскола такой “обмен” будет максимально затруднен.

зафиксированным рядом исследователей кливажем “власть — оппозиция”. Не подменяя собой существовавшие ранее расколы, этот кливаж добавляет новое измерение в систему ценностно-идеологических ориентаций избирателей.

Аксенов К.Э. 1998. Протестная мотивация избирателей: два периода электоральной истории Санкт-Петербурга. — *Социологический журнал*, № 1-2.

Аксенов К.Э. 2000. Устойчивость модели ценностно-идеологических ориентаций электората: Санкт-Петербург и Россия. — Горный М.Б. (ред.) *Выборы в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты. Материалы конференции. Т. 1*. СПб.

Аксенов К.Э., Михайлов А.С. 2000. Особенности пространственной структуры электоральных предпочтений в России и объяснительная модель избирательного поведения. — Гавра Д.П. (ред.) *Политический имидж: секреты манипуляции массовым сознанием*. СПб.

Березкин А.В. 1992. Территориальные различия в поведении избирателей: географический анализ некоторых итогов референдумов в России и Москве. — *Региональная политика*, № 1.

Журавлев А.Н. 1993. *Диффузия политических нововведений как пространственный процесс. Дисс. на соискание ученой степени канд. географ. наук*. СПбГУ.

Колосов В.А. 1994. Политическая география: основные концепции и идеи. — *Региональная политика*, № 6.

Колосов В.А. (ред.) 1995. *Россия на выборах: уроки и перспективы. Политико-географический анализ*. М.

Колосов В.А., Петров Н.В., Смирнягин Л.В. (ред.) 1990. *Весна-89. География и анатомия парламентских выборов*. М.

Лаврухин В.В. 1985. *Электоральная география Франции. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. географ. наук*. Л.

Михайлов А.С. 2001. *Пространственная структура электоральных предпочтений в России. Дисс. на соискание ученой степени канд. географ. наук*. СПбГУ.

Парламентские выборы 1995 г. в России. Научные доклады. Вып. 9. 1996. М.

Туровский Р.Ф. 1999. *Политическая география*. М., Смоленск.

Campbell A. 1971. A Classification of the Presidential Elections. — Clubb J.M., Allen H.W. (eds.) *Electoral Change and Stability in American Political History*. N.Y.

Key V.O., Jr. 1971. A Theory of Critical Elections. — Clubb J.M., Allen H.W. (eds.) *Electoral Change and Stability in American Political History*. N.Y.

Taylor P.J., Johnston R.J. 1979. *Geography of Elections*. N.Y.